Перевод и редактура: Naides

Услышав новость о том, что Маньнян отослали, Минлань молча поцеловала личико сына. Кормилица Чан села рядом с ней и, взяв ребёнка на руки, принялась радостно дразнить его. Все заботы и печали последних дней, казалось, растворились в воздухе. Рядом с ней молча стояла Жун. Она была чем-то сбита столку: её брови были нахмурены, и она была такой последние два дня.

В тот день Маньнян поняла, что у неё не осталось лазеек, поэтому устроила скандал. Она кричала, плакала и говорила, что хочет видеть свою дочь. Гу Тинъе усмехнулся и согласился, кормилица Чан посетила её вместе с Жун. Мать и дочь встретились после нескольких лет разлуки. Эта ситуация со стороны выглядела очень странно: одна рыдала и давилась соплями и слезами, пытаясь таким образом выразить всю глубину материнской любви, а другая молча смотрела.

Как и ожидала кормилица Чан, после этого Маньнян немного поразвлекала дочь, спела ей и поиграла с ней, а затем снова разрыдалась и просила её умолять отца, чтобы тот оставил их. Она даже притащила к Жун своего сына! Это стало бы невероятной сенсацией, если бы брат и сестра, обнявшись, разрыдались вместе со своей убитой горем матерью.

Однако, Жун было всего четыре или пять лет, когда её мать бросила её, отправив в поместье хоу, а Чан был ещё младше. Старшая сестра смотрела на своего младшего брата и чувствовала, что они незнакомцы. Она не знала, что сказать. Младший брат также никак не мог узнать свою старшую сестру. Эта сцена была холодной, неловкой и нелепой.

— Подойди к своему брату, — кормилица Чан придержала ребёнка. Жун вытянула шею, чтобы получше разглядеть младенца. Ребёнок несколько раз агукнул. У него были большие чёрные глаза. Маленькая девочка грустно улыбнулась. Минлань не смогла больше этого выносить.

— Полагаю, ты очень устала за эти дни. Возвращайся к себе и отдохни, — сказала она. — Сянь навещала меня недавно, она сказала, что учитель собирается проверить вашу домашнюю работу, так что тебе стоит почитать книгу.

Жун тихо выразила своё согласие и, еле волоча ноги, вышла. Когда она обернулась, стоя в дверях, её уголки губ дрогнули, но она так и не улыбнулась. Вежливо поклонившись, она вышла. Её нефритовая подвеска изящно качнулась. Она больше не была той упрямой и невежественной девочкой, обучение явно шло ей на пользу, теперь она походила на приручённую дикую кошку.

Минлань проводила её взглядом и тихо вздохнула.

— Главная госпожа, не беспокойтесь, — поспешила успокоить её кормилица Чан. — За эти два

года Жун прочла множество книг, и это было не напрасно. Она знает, что хорошо, а что нет.

Кормилица продолжила рассказывать о том, что произошло, когда Маньнян и Жун встретились. Жун большую часть времени молча стояла, опустив голову. Маньнян перешла от жалобного плача на обиженный и сильно дёргала дочь за руки и одежду. Кормилица Чан подумала, что если бы никто не наблюдал за ними, то Маньнян точно ущипнула или ударила бы её. Видя, что план провалился, Маньнян могла только отчаянно спрашивать Гу Тинъе, хватит ли у нее мужества разлучить их троих?

В этот момент Жун внезапно заговорила.

— Если моя родная матушка этого хочет, я покину поместье хоу Нинъюань и уеду с вами в горную деревню. Там я смогу жить вместе с матерью и младшим братом.

Эти слова попали в яблочко.

Маньнян много раз объясняла то, что отправила Жун в поместье хоу тем, что сделала это ради её будущего. В этот раз она повторила тоже самое, и неоднократно произнесла, что Жун не должна забывать о том, кто её настоящая мать и о своём младшем брате, который был первым сыном её отца. Кто бы мог подумать, что, услышав это, Жун спросит:

— Но что насчёт будущего моего младшего брата? Почему ты не согласилась отправить его в поместье с самого начала?

Маньнян не смогла на это ответить.

— Ты отослала меня сюда, но что теперь? Неужели ты просто хочешь доставить неприятности главной жене? — выражение лица Жун было непроницаемым.

Это было всё, что она сказала, когда увидела свою биологическую мать.

Маньнян собиралась наброситься на неё и избить, но кормилица Чан прикрыла Жун и та, испуганная, убежала. Крепкие служанки быстро схватили Маньнян и потащили её прочь. Она, однако, не унималась, и продолжала кричать вслед Жун всякие гадости: «Неблагодарная, высокомерная, бесстыжая!» и так далее.

Минлань не могла в это поверить.

— Она действительно так сказала?

Продолжая нянчиться с младенцем, кормилица Чан повернула голову и улыбнулась Минлань.

— Эта паучиха такая способная! Когда я вела к ней Жун, я сказала, что с ней хочет увидеться её бессердечная биологическая мать, которая бросила её несколько лет назад. Я сказала, что она наверняка захочет, чтобы Жун молила своего отца, чтобы он позволил им остаться, — она нахмурилась прежде, чем добавить. — Что она попросит, чтобы она почитала Цао Ин, но держала в своём сердце Хань.

Имелось в виду, что Жун должна всегда помнить о своей бедной родной матери, получая всевозможную заботу и блага от Минлань. Она не должна быть ей слишком благодарна, вместо этого ей стоит упоминать свою родную мать и младшего брата перед Гу Тинъе. Чем чаще, тем лучше.

У тёти Чан был богатый опыт в уходе за детьми, а её приёмы воспитания были один искуснее другого. Она держала этого жутко активного ребёнка всего ничего и не так уж и много играла с ним, но он уже был очень сонным. Старшая служанка Цхуй подошла, чтобы забрать его.

Кормилица Чан проводила взглядом всех служанок и кормилиц, которые ушли вместе с младенцем в соседнюю комнату, и, повернувшись к Минлань, улыбнулась.

— Главная госпожа, я так и не поздравила вас! Ваш сын очень красивый, у него густые брови и большие глаза, он сильный и крепкий. А когда его кормили грудью, он так усердно сосал и глотал! Он хорошо ест и хорошо спит!

Минлань с грустной улыбкой покачала головой, у неё не хватало молока, у мелкого поганца кончалась еда после нескольких коротких перекусов, так что ему приходилось пользоваться услугами иностранных партнёров.

— Главная госпожа, — осторожно сказала кормилица Чан, смотря на обеспокоенную Минлань. — Не думайте больше об этой суке. Её родной город находится в отдалённой провинции, там высоки горы и бурные реки, и нет водного пути. Она не сможет выбраться оттуда. Я не думаю, что она когда-либо вернётся.

— Кормилица думает об одном, а я о другом, — Минлань была немного сбита с толку, когда услышала это. — Но… Просто… — она слегка вздохнула. — В прошлом, как хоу встретил её?

Если бы она совсем ничего не спросила, её сочли бы бесчувственной.

Рассказывая об этой женщине, кормилица Чан была действительно взволнована, ведь до сих пор её ни о чём не спрашивали. Она погладила Минлань по голове и, немного поразмыслив, начала:

— Это был второй год как я жила в столице и с тех пор, как я рассказала о причинах, по которым семьи Гу и Бай заключили брачный союз. Господин Е и его отец всё больше и больше отдалялись друг от друга.

Если раньше Гу Тинъе просто казалось, что отцу нет до него дела, то, узнав правду, он, должно быть, был невероятно зол. Очевидно, это было то, о чём он постоянно спрашивал, чувствуя себя брошенным и несчастным, но никто не хотел ничего ему говорить. Узнав, что семья Бай спасла семью Гу от опасности, Гу Тинъе был взбешён — неблагодарные члены семьи Гу, притворяющиеся возвышенными и благородными, говорили о его покойной матери в пренебрежительном тоне.

— Господину Е негде было говорить о несправедливости, — кормилица Чан была очень печальна. — Он мог только дебоширить. Но в том году он, по большей части, вёл себя прилично. Увидев, что брат и сестра-актёры страдают, он не смог на это смотреть и помог им.

— Тем, кто исполнял оперу вместе с Маньнян, был её брат? — спросила Минлань.

— Раньше её семья жила в сельской местности на окраине столицы, — беспомощно кивнула кормилица Чан. — Однажды к Маньнян пришёл господин, который хотел подать на неё в суд. Она сказала, что он уже забрал сестру и брата, и продал их. Я сказала господину, что актёрисы могут лгать, и советовала ему не делать для неё слишком многого. Я сказала ему, что стоит просто дать ей немного денег, чтобы не вызывать сплетен. Хотя господин Е был вспыльчивым и резким, он всё же согласился. Кто же знал… — её тон был полон отвращения, она стиснула зубы. — Актёр, оказавшийся её братом, действительно бросил девушку, взял деньги и сбежал!

— Правда? — Минлань была удивлена, что в мире бывали такие жестокие браться.

— Мерзкая лгунья! — кормилица раздражённо выдохнула. — Позже господин Е узнал, что эта сука устроила хорошее представление, и попросила своего брата разыграть всё это, чтобы он мог начать своё дело, а она могла остаться с господином Е.

Минлань была ошеломлена — эта женщина действительно осмеливалась не только думать, но и делать что-то настолько бесстыдное.

— Таким образом она сделала вид, что одинокая и слабая женщина без родственников, без жилья, без поддержки. Никто не знал, что делать, поэтому вначале ей нашли дом. Господин Е предлагал мне сделать её своей невесткой, но я не захотела. Не знаю, почему, но тогда мне просто не нравилась эта женщина, — кормилица Чан ненадолго задумалась. — Возможно, я просто слишком стара, мне всегда казалось, что у неё хитрый взгляд, и у неё нет достоинства.

Для честолюбивой пожилой женщины, которая не стала продавать себя в рабство даже тогда, когда её семья переживала трудные времена, идеал хорошего человека заключался в его способности неустанно идти к своей цели правильными честными путями. Как она могла принять в невестки актрису? Она была согласна только на праведную девушку!

— У кормилицы острый взгляд, — улыбнулась Минлань.

— Если бы я знала, что случится позже… — покачала головой кормилица Чан, её голос был

полон раскаяния. — Лучше бы я приняла её, ведь из-за неё господин Е так сильно пострадал! Эта сука очень продуманная, она часто устраивала неприятности. То она притворялась больной, то говорила, что злой мужчина снова ходит где-то рядом и ей кажется, что она его видела. Она вынуждала господина Е все чаще и чаще навещать её. Увы, господин был тогда так молод и несдержан! А эта певичка постоянно кокетничала и льстила ему! — она смущённо взглянула на Минлань, ей было очень сложно говорить о том, что происходило дальше.

— Кормилица, не переживай, ведь это случилось много лет назад, я не буду расстраиваться, — сделав нежное понимающее лицо, принялась уговаривать Минлань. В этом не было ничего необычного, в конце концов, она пыталась стать копией знаменитой женщиной, вышедшей замуж за учёного. Ей в руки попал расстроенный сын хоу. Огорчённый и разбитый, он встретил красивую девушку, которая была внимательной и обходительной, изящно поила его вином, играла на пипе, пела песни. А затем, когда вино заканчивалось, занавеску задёргивали, гасили масляные лампы…

Опустив некоторые неблагозвучные слова, кормилица Чан закончила свой рассказ. Её лицо было таким, будто она выпила целую банку соевого соуса.

— Я пыталась отговорить господина Е, он ведь ещё даже не женился! Я говорила, что Маньян будет тяжело войти в поместье хоу из-за её происхождения! Я спрашивала: почему бы тебе не дать ей приданое и не попросить её выйти замуж за кого-то ещё? В то время господин Е не так уж сильно любил её, поэтому он согласился. Затем я отправилась уговаривать эту женщину. Кто знал, что эта сука решит искать смерти! Она кинулась к колодцу, а, когда её остановили, приставила шпильку к своему горлу! Она устроила такой переполох! Затем она встала на колени прямо на землю и просила, умоляла и плакала. Она говорила… — кормилица замолчала, пытаясь вспомнить точные слова. Ей очень хотелось посетовать на свою плохую память.

— Сначала она, должно быть, посетовала на то, каким человеком её видит кормилица, — любезно продолжила Минлань. — «Неужели я женщина, которую можно купить золотом и серебром?! Я не хочу денег, я ничего не прошу, я просто надеюсь, что господин сжалится надо мной и будет вспоминать время от времени…» — подумав о том, как это выглядело, Минлань со злостью добавила. — Относитесь к ней как котёнку или щенку, оставьте в стороне и игнорируйте. Просто позовите, когда захотите её увидеть. Верно?

— Главная госпожа угадала, — смущённо ответила кормилица Чан. Она не могла вспомнить конкретных слов, но, вероятно, смысл был именно таким.

Минлань чуть не закатила глаза — почему поведение всех наложниц такого типа такое одинаковое?!

— После этой суматохи такая старуха, как я, не осмелилась больше давить и настаивать. Думая о её трюках, я не могла найти верный путь, поэтому это тянулось день за днём! — чем дальше она рассказывала, тем тише становился её голос. — Более того, вместо того чтобы как раньше создавать проблемы снаружи, господин Е предпочитал прийти и поговорить с этой певичкой! Тогда я думала, что если господин Е женится на достойной добродетельной женщине, она

сможет угодить ему и он забудет об этой певичке! Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, как сильно я ошибалась! — кормилица Чан опустила голову, чем больше она рассказывала о прошлом, тем больше ей казалось, что у неё нет права разговаривать с Минлань, которая была госпожой из хорошей семьи и готова была быть добродетельной и щедрой. — Прежде, чем я успела убедить господина, эта девка забеременела! — сквозь зубы процедила она. — На этот раз я поняла, что что-то не так. Мой господин был так молод, поэтому, узнав об это, он запаниковал, — она неосознанно повысила голос. — Эта сука решила оставить ребёнка, и я ничего не смогла с этим сделать! Через несколько месяцев она родила дочь. Честно говоря, я почувствовала невероятное облегчение!

«Оказывается, малышка Жун родилась при таких обстоятельствах…» — вздохнула Минлань.

— Вскоре поместье хоу узнало об этом, эти новости вызвали серьёзный переполох. Наложница, живущая снаружи, ребёнок! И всё это после всех тех выходок господина!.. Отец вызвал его домой и сильно избил! — кормилица Чан едва не задохнулась от возмущения. — Главная госпожа знает характер моего господина. Он очень упрям, и он рассердился на своего отца. Я говорила ему, чтобы он быстро разобрался с Маньян, но он сделал всё наоборот. Чем сильнее его отец отказывался принять её, тем больше он заботился об этой певичке. Его отец был так зол, что едва не вычеркнул его из семейного древа!

Двумя самыми серьёзными проблемами в мире были старики и женщины в период менопаузы, а также бунтующие подростки. Минлань легко могла представить себе настроение отца Гу Тинъе в то время и очень сочувствовала ему.

Кормилица Чан вытерла слёзы, выступившие в уголках глаз.

— Господин был тогда очень упрям, никто не мог переубедить его, — беспомощно продолжила она. — И эта сука разыгрывала представление, давила на жалость, так что это дело в итоге зашло в тупик!.. Я говорила господину, что можно злиться на отца, но нельзя не беспокоиться о своём будущем. Если она снова забеременеет и во второй раз родится девочка, это будет невероятная удача, но что, если нет? Если будет сын… Тогда какой брак сможет найти господин Е в будущем? Господин тоже чувствовал, что что-то не так, но эта льстивая сука продолжала кокетничать, а он был молод. Так что я лично нашла женщину, которая умела готовить специальное лекарство, и принесла его в дом, — думая об этом, она особенно сильно стиснула зубы. — Кто знал, что после беспорядка в поместье господин Е уже приходил к ней несколько раз… Она снова была беременна!

Это дело действительно было серьёзным, но Минлань очень хотелось смеяться. Эта Маньян была такой плодовитой и действовала так эффективно!

— Я стала задавать ей вопросы, но Маньян только и делала, что плакала и говорила, что честно принимает лекарства. Женщина, которую я просила доставлять их, также подтвердила, что приносила их каждый раз. И всё же случилась такая большая ошибка!.. — казалось, кормилица Чан была готова упасть в обморок. — После небольшого расследование было установлено, что женщина, ответственная за лекарство, любит выпить. Хоу решил, что она частенько готовила его неправильно. Это дело было закрыто, но я не оставила своих

подозрений. Хотя та женщина действительно любила выпить, никто из её клиентов никогда не жаловался на качество лекарств!

Однако в то время Гу Тинъе слишком сильно доверял Маньнян и не слушал, а у неё не было никаких вещественных доказательств.

Встав, кормилица Чан закрыла все двери и окна, оставив лишь небольшую щёлку, чтобы впускать воздух.

— Тогда я встала на колени перед господином и, рыдая, умоляла его. Я сказала, что Маньнян, должно быть, просто в очень хорошей форме, так что травы не действуют на неё. Я умоляла господина одуматься и заставить её избавиться от ребёнка. Что бы не случилось, у него не должно было быть ещё детей, пока он не был женат!

Минлань вздрогнула. Кормилица Чан была замечательным человеком, и она была вынуждена столкнуться с такой, как Маньнян.

— Дочь — это всего лишь его плоть и кровь, но если бы это был сын… Разве можно было бы сказать, что это просто небольшое недоразумение?! Эта певичка… Она говорила, что у неё нет смелости, чтобы убить ребёнка, и что если господин не согласится оставить его, она убьёт себя! — кормилица Чан сказала это очень быстро, она была рассержена. — Господин Е послушал её. Однако после рождения сына… В последующие несколько лет он, навещая её, не прикасался к ней, лишь разговаривал и играл с детьми. Эта сука привыкла притворяться хорошей, трудно было доказать обратное. Я сказала, что, возможно, это всё-таки не вина той старухи. Вдруг это не она была небрежна?

Минлань подумала, что этот трюк действительно был очень вреден. Если Маньнян всегда вела себя так, будто была праведницей, будто понимала и поддерживала Гу Тинъе. Но если она поддерживала его, в таком случае она не могла бы себе позволить рисковать в таком вопросе, верно?! Неважно, спал ли Гу Тинъе с Маньнян в то время, но, по крайней мере, он ходил туда не так часто и Маньнян так и не родила третьего ребёнка.

Ход кормилицы Чан, наконец, был успешным.

— На самом деле, эта певичка не так уж и очаровательна. У господина Е была наложница в поместье, и она была намного лучше неё! Но она действительно думала, что она небесная фея и мужчина должен любить её несмотря ни на что! Она не такая уж и красавица, но благодаря своему красноречию она воспользовалась горем господина Е, она пыталась льстить мне и притворялась жалкой, чтобы господин не посмел бросить её! — кормилица Чан очень сильно ненавидела Маньнян, так что, чем больше она говорила о ней, тем злее становилась.

Минлань едва не рассмеялась, на самом деле, ей было очень легко всё это слушать. Кормилица Чан хотела сгладить возможный конфликт между ней и Гу Тинъе и поэтому пыталась сгладить некоторые углы в рассказе об отношениях между Гу Тинъе и Маньнян. Но ей не о чем было беспокоиться, Минлань не была ревнивой супругой. Причина, по которой она так беспокоилась

о Цао Цзиньсю, было то, что она была не только в его прошлом, но и в настоящем и будущем. Это просто очень раздражало. Она не любила проблемы.

Что насчёт Маньнян? Не важно, какие у неё были отношения с Гу Тинъе раньше. Не важно, испытывал ли он к ней настоящие чувства. Важно было то, что она уже была в прошлом. Настоящее важнее всего. Зачем портить себе хорошую жизнь, чтобы преследовать тех, у кого её нет? Это было одной из важнейших вещей, которым она научилась в этой жизни.

Быть реалисткой. Пока так называемая настоящая любовь не вызывает никаких изменений в её жизни, нет никакой разницы, действительно ли это его истинная любовь или нет. Если бы Гу Тинъе планировал разделить половину своей семейной собственности или отдать титул Чану, конечно, Минлань была бы очень недовольна. Но сейчас Гу Тинъе передал всё имущество семьи ей, решив, что именно её сын унаследует титул. Он каждую ночь спит в её постели и посещает её каждый раз, как у него появляется свободное время. Тогда какая разница, кто его истинная любовь, есть ли необходимость преследовать её?

Быть реалисткой. Как в пьесе, в которой ради страны или ради власти мужчина должен жениться по расчёту, а не на той, кого любит. Даже если она была его настоящей любовью, какой в этом смысл?

Что ж, она была эгоистичным человеком, пришедшим из современности. После десятка лет профессионального обучения у своей бабушки, она лишь притворялась нежной и добродетельной девушкой, но она совершенно не обладала этими качествами в традиционном понимании древних времён.

— Неужели кормилица думает, что я все ещё беспокоюсь о детях Маньнян? — полушутливым тоном спросила Минлань.

— Главная госпожа, вы правда… — сердце кормилицы сжалось, она вздохнула. — Ах, госпожа не думает об этом, хоу ни капли не смущён… Но какой сын из благородной семьи будет стремиться иметь детей прежде, чем жениться!..

Это звучало очень разумно, так что Минлань кивнула, чтобы поддержать её — рассказ ещё не был закончен.

— После рождения Чана прошло ещё два или три года, и затем господин Е, наконец, решил жениться на девушке из семьи Ю, — продолжила кормилица Чан, налив себе немного чая и сделав глоток. — Кто бы мог подумать, что вместо мягкой старшей дочери за него выйдет Яньхун! Лучше бы он не женился! До свадьбы с ней господин Е ещё мог жить спокойно, но после… Ежедневные ссоры, скандалы, едва ли не драки! Она не успокаивалась ни на минуту! В конце концов, они поругались так сильно, что господин ушёл из дома! — она расплакалась. — Мне было так жаль господина Е, я ведь знала его с тех пор, как он был ребёнком. Он был вынужден жить на улице и никто не подал бы ему даже чашки чая. Я не знаю, как сильно он страдал!

Минлань села и, протянув руку, легко погладила кормилицу Чан по руке.

— Не плачь, кормилица, говорят, что если не разрезать нефрит, из него нельзя сделать драгоценностей, — принялась уговаривать она. — Небеса наблюдают за нами, и не важно, как нас зовут.

— Ах, матушка господина, ушедшая на Небеса, я верю, что вы видели: я не желала, чтобы ваш сын был несчастным! — сложив руки в молитвенном жесте, взмолилась кормилица Чан.

Они поговорили ещё немного прежде, чем голос снаружи объявил:

— Господин вернулся!

Кормилица Чан вытерла глаза и, встав, развернулась и увидела, как занавеску на двери приподняли, и Гу Тинъе вошёл в комнату с ребёнком на руках. За ним, нахмурившись, шла старшая служанка Цхуй.

— Я зашёл посмотреть, как крепко он спит, а он взял и проснулся всего лишь из-за нескольких взглядов! — улыбнулся он.

— Перестань, это ты, должно быть, его разбудил, — укорила Минлань.

Гу Тинъе всё ещё был одет в ярко-красные одежды придворного. Вернувшись, он даже не переоделся, так сильно ему не терпелось увидеть своего сына. Он держал его на руках и отказывался отпускать.

— Прошло всего несколько дней, а он выглядит намного лучше! — рассмеялся Гу Тинъе, продолжая смотреть на него. — Когда он родился, он был таким красным и сморщенным, и выглядел просто ужасно!

— Тогда ты хвалил его за его внешность! — нахмурилась Минлань.

— Он выглядел лучше, чем любой другой красный и морщинистый ребёнок! — улыбнувшись, невозмутимо ответил Гу Тинъе.

Все рассмеялись, когда он сказал это, а кормилица Чан заглянула в свёрток только чтобы увидеть, что ребёнок проснулся. Он не плакал и совсем не доставлял хлопот, очертания его лица стали чётче. Он лишь оглядывался со слегка ошеломлённым видом и выглядел очень сонным.

— Чем краснее ты, когда рождаешься, тем крепче становишься, когда взрослеешь! Я не знаю, есть ли у тебя имя? — спросила она.

— Я был слишком занят в эти дни, — криво улыбнулся Гу Тинъе. — Когда господин Гунсунь вернётся, я попрошу его помочь с выбором имени.

У него не было уверенности в собственном уровне образования, и он достаточно любил своего сына, поэтому не хотел давать ему имя, которое придёт ему в голову.

— Вы могли бы дать ему детское неброское имя, чтобы его жизнь была благоприятной, — сказала кормилица Чан.

Гу Тинъе подумал, что это имеет смысл и развернувшись, спросил у Минлань:

— Какое имя?

— Я слышала, как Сяотао говорила, что самое распространённые имена в её городе это «собачьи какашки», «собачье яйцо», «щенок» и тому подобное.

— Это невероятный абсурд! — рассмеялся Гу Тинъе. — Наверняка там есть ещё что-то вроде «сукин сын». Ты хочешь так назвать своего сына?

— Не знаю, что думает хоу, но чем ужаснее имя, тем здоровее ребёнок, — улыбнулась кормилица Чан. — Если в большой семье есть ребёнок с плохим здоровьем, значит, в детстве все знали его имя.

— Правда? — с подозрением спросил Гу Тинъе.

Минлань приподнялась и взглянула на своего сына, который выглядел, как толстый милый пельмешек или как клёцка из рисовой муки.

— Почему бы нам просто не называть его пельмешкой?

— Туань? Это хорошая идея!

Когда присутствующие в комнате услышали это, они подумали, что это хорошее предзнаменование. Они не последовали деревенским обычаям и не назвали ребёнка отвратительным именем. Это было хорошее решение.

Поговорив с ними ещё некоторое время, кормилица Чан ушла. Отдав Туаня старшей служанке Цхуй, Гу Тинъе отправился умываться и переодеваться в повседневную одежду. Встреча была утомительной, так что, вернувшись, он сел на край кровати и, устало потёр переносицу.

— Подвинься, я хочу отдохнуть перед едой, — сказал он.

— Разве я не приготовила для тебя другую комнату? — недовольно спросила Минлань. Она долго разговаривала с кормилицей Чан, у неё болела поясница и она собиралась отдохнуть. — Снаружи также есть мягкий диванчик. Зачем ты хочешь тесниться со мной?

Гу Тинъе было лень разговаривать о чепухе, поэтому он просто поднял её и переложил, куда было нужно, а затем сам лёг рядом с ней.

— Наконец я прояснил вопрос Лянхуай с императором, — с облегчением вздохнул он. — Мудрец никогда не станет торопиться исцелять больного, который страдает много лет. Нужно хорошо всё обдумать.

Услышав усталость в его голосе, Минлань тяжело вздохнула и потянулась, чтобы помассировать его виски. Гу Тинъе схватил её за руку и приложил ладонь к своей щеке, а, затем, повернувшись и посмотрев прямо на неё, сказал:

— Мне жаль, что я не вернулся раньше.

— Старшая служанка Цхуй сказала, что, на самом деле, моя беременность проходила очень гладко. Если бы не было проблем с гостями или поджога, не имело значения, будешь ли ты здесь или нет, — ответила Минлань.

Гу Тинъе лёг на бок и уткнулся головой в Минлань.

— Этого больше не произойдёт в будущем, — сказал он.

Минлань погладила его по голове.

— Кормилица Чан сказала мне тоже самое.

— О чём ты?.. — Гу Тинъе закрыл глаза, его дыхание выровнялось.

— Мы говорили о Маньнян.

Гу Тинъе тут же открыл глаза.

— Когда вы об этом говорили? — тихо спросил он.

— Когда ты выходил по делам.

— Тогда нам нужно поговорить, — Гу Тинъе медленно перевернулся и лёг так, чтобы оказаться лицом к лицу с Минлань. Та тоже выпрямилась и приготовилась слушать.

— На самом деле, я немного недоволен визитом Маньнян. Она думала, что как всегда сможет рассказать мне историю, и я поверю ей, — Гу Тинъе сцепил руки на животе, тон его голоса был спокойным.

В те времена жизнь в поместье Нинъюань хоу действительно была кошмаром наяву. Он не понимал своего отца, свою мачеху, которая наслаждалась серебром семьи Бай, но презирала его дядю и братьев. Когда он возвращался в свои покои, он находился в обществе служанок, у каждой из которых были скрытые мотивы. Он был разочарован во всём, чувствовал себя обиженным и лишь от Маньнян мог получить несколько слов утешения. В прошлом он действительно очень доверял ей.

Люди как животные. Как только кто-то завоёвывает их доверие, они начинают считать все их поступки разумными и правильными.

— Всё, что ты сказала в тот день в храме Гуандзи, имело смысл.

Никто бы не поверил, что Минлань была единственной женщиной, кроме Маньнян, с которой он нормально разговаривал. Эта маленькая девочка хмурилась, щурила глаза и была недовольна, но никогда не ругалась пустыми словами. Она всегда серьёзно рассуждала и лишь излагала факты. Когда он вернулся, он думал об этом разговоре снова и снова, и, чем дольше он думал, тем больше ему казалось, что слова Минлань были правильными.

Если бы Маньнян действительно хотела просто быть его наложницей, у неё не было причин идти к семье Ю.

Люди постоянно обманывают друг друга, иногда даже не задумываясь об этом. Он был уверен, что если расследовать каждый такой случай, большинство людей просто не смогут жить дальше.

— У Маньнян была служанка, которая работала на неё много лет. Потом она дала ей приданое и выдала замуж куда-то далеко. Я потратил много времени на её поиски. После длительного запугивания и принуждения, она, наконец, заговорила.

Женщины, у которых есть мужья и дети, редко остаются верными до конца своим господам.

— То, что сказала эта девушка, было просто невероятным. Во-первых, брат никогда не бросал Маньнян. Это Маньнян убедила его уйти. Только когда она родила двоих детей, он вернулся, притворившись раскаявшимся. Она сделала вид, что простила его, и долго умоляла меня простить его ради наших детей. Но я всё ещё считал её добрым человеком.

Минлань ничего не ответила, лишь устало уставилась на изголовье кровати. Она очень хотела отдохнуть.

— Затем она рассказала о втором ребёнке. Кормилица Чан была права, это Маньнян попросила кого-то спаивать ту пожилую женщину, что занималась лекарством, и этот кто-то проделывал трюки с травами, — тон Гу Тинъе был резким, будто бы он рассказывал об абсурдной драме. — Но я всё ещё не верил в это, поэтому вернулся в столицу и задержал всех слуг Маньнян, чтобы допросить их. Было ещё кое-что.

— Что ещё она сделала? — Минлань было очень скучно.

Гу Тинъе взял её за руку и крепко сжал её.

— Она узнала о таверне, в которую часто ходила семья Яньхун, и попросила людей прийти туда и сказать несколько слов. Яньхун услышала сообщение, естественно, она рассердилась и пришла к её дому. Маньнян устроила всё так, чтобы я успел прийти вовремя и «спасти мать и сына». Она хотела, чтобы я отвернулся от Яньхун.

Минлань глубоко вздохнула, повернулась и, обняв мужчину за руку, положила на неё подбородок.

— Я был ошеломлён, когда узнал об этом, — Гу Тинъе обнял Минлань, его руки были холодны как лёд. — Я пошёл и спросил её, она не смогла оспорить это. Она всегда хотела быть кукловодом. Всё, что она делала, она делала для того, чтобы управлять мной.

В тот день он схватил Маньнян за волосы на глазах детей, выволок её на улицу и отругал. Его гнев был так велик, что он несколько раз ударил её по лицу. Хотя её щёки были красными и опухшими, она продолжала смеяться со слезами на глазах. Он ясно помнил этот день. Это случилось на закате. Маньнян лежала на земле, обеими руками держалась за его ноги, жалобно смотрела на него и умоляла. Она напоказ созналась в своих деяниях, прикрываясь своими искренними чувствами, и выражала надежду, что он сжалится над ней и будет дорожить ею.

Его сердце оставалось холодным. Все обманывали его, продолжали обманывать его, и даже человек, которому он всегда верил, не был исключением. Тогда кому вообще можно доверять?

— В ту ночь я вернулся домой и снова поссорился с отцом. Чем больше я говорил, тем Чем больше я говорил, тем более возмутительным был. Мой отец закашлялся кровью от гнева. Он ругал меня за то, что я «потворствую своим слабостям», говорил, что я неисправим, и что моё поведение отвратительно. Я не хотел больше оставаться в этом месте и той же ночью ушёл на юг. Я сообщил, куда я иду, только кормилице Чан в письме. Когда я ушёл, мой отец не переставал искать меня. В конце концов, он нашёл меня, и первое письмо, которое он отправил мне, был приказ немедленно возвращаться домой, потому что Яньхун беременна, — сказал Гу Тинъе.

— А? — Минлань была потрясена. — Почему никто никогда не упоминал об этом?

— Потому что с этим был связан большой скандал, ты не можешь рассказывать об этом нигде, даже своим родственникам, — ухмыльнувшись, насмешливым тоном ответил Гу Тинъе.

У Минлань уже было несколько догадок, но она не посмела их озвучивать.

— Старик очень радовался, он даже взял меня за руку и сказал, что я скоро стану отцом, поэтому я должен стать благоразумным, вести себя как хороший человек и перестать доставлять неприятности. Он считал, что мой сын от Маньнян не считается.

В то время он был потрясён и злился, и неоднократно ругал себя за то, что обижал других. Он отсутствовал дома более месяца, а его жена была беременна меньше двух месяцев, хотя они уже довольно долго не спали вместе из-за ссоры вызванной Маньнян.

— Поскольку я поссорился с Яньхун из-за Маньнян, мы больше не спали вместе с того времени, — равнодушно ответил Гу Тинъе.

Он никогда не забудет выражение лица своего отца, когда тот услышал об этом. Это был гнев, паника, сожаление и вина. Это действительно нельзя было описать словами. Но в то время Гу Тинъе заботило только собственное настроение, и он, упиваясь яростью, издевался над семьёй Гу, ругал их, называя болотом, в котором нет ни одного чистого человека.

Что касается того, от кого был ребёнок Яньхун, он не интересовался этим тогда. Ему было слишком лень даже чтобы спросить об этом. В любом случае, никто в поместье хоу не был хорошим человеком.

— Тогда как она умерла? — скучающим тоном спросила Минлань.

— Аборт был неудачным, она потеряла много крови и умерла. Когда пришло известие об этом, мой старик спорил с господином Ю. Хотя Яньхун была неправа, я также вёл себя отвратительно, поэтому никогда не думал просить её заплатить за ошибку жизнью. Но она умерла раньше, чем мы успели позвать лекаря.

Сердце Минлань замерло. Такой смерти действительно было достаточно для возмездия за измену.

— Все думали, что Яньхун умерла из-за выкидыша. Чтобы скрыть её проступок, семья Гу сообщила внешнему миру, что она умерла от болезни. Господин Ю не осмеливался говорить об этом, поэтому вопрос был улажен, — Гу Тинъе внезапно нахмурился. — Но я не был уверен в том, что всё так просто.

В конце концов, Ю Яньхун не была дурой. Она наверняка должна была понять, что её разоблачат, так почему она не избавилась от ребёнка раньше, чтобы скрыть свой поступок от семьи Гу?

— В чём дело? — спросила Минлань.

— У меня есть слуга, Пингуй, Маньнян была очень близка с ним, и он часто говорил добрые слова о ней. В то время я не воспринимал его всерьёз. Я не видел его долгое время с тех пор, как уехал из столицы, — Гу Тинъе холодно улыбнулся. — Кто знал, что, когда я ушёл, буквально через полдня к Яньхун пришёл Пингуй, и сказал, что это я послал его. Но я никогда не отдавал такого приказа!

— Может, это снова Маньнян? — удивлённо спросила Минлань.

Самым удивительным в Маньнян было то, что, каждый раз, когда Гу Тинъе просто хотел попросить немного кунжута, он получал арбуз.

— Я поймал Пингуя и долго пытал его прежде, чем он рассказал мне.

С тех пор как Гу Тинъе покинул столицу, от него не было никаких вестей, и Маньнян чувствовала себя муравьём в кипящем котле. Кормилица Чан отказывалась ей что-либо говорить, поэтому она попросила своих людей следить за поместьем Нинъюань хоу. Вскоре она была вознаграждена — Яньхун выехала под предлогом посещения родного дома, но её повозка свернула на полпути.

Затем Маньнян отправилась в то место, которое посещала Яньхун. Там ей сказали, что перед ней была женщина в маске, которая, очевидно, была на втором месяце беременности. Маньнян обрадовалась и тут же начала разбираться, она хотела, чтобы Гу Тинъе вернулся как можно скорее, а Яньхун не смогла этого скрыть и не успела решить проблему тайком.

Сестра Пингуя работала служанкой в доме Гу. Все в поместье знали, что Ю Ши не может есть корень лотоса, поэтому она воспользовалась возможностью, чтобы добавить немного порошка корня лотоса в рацион Яньхун. Когда ей стало плохо, обо всём этом узнала пожилая госпожа Цинь. Она не хотела, чтобы старый хоу думал о том, что она пренебрегала своей невесткой с тех пор, как ушёл Гу Тинъе, поэтому она хотела пригласить лекаря, чтобы тот осмотрел её, так что Яньхун не смогла скрыть свою беременность.

После этого Яньхун в ужасе спряталась в своём дворе, ожидая избавления. В это время к ней пришёл Пингуй, он сказал, что Гу Тинъе не хочет предавать огласке этот случай, поэтому она должна избавиться от ребёнка. Когда дело уляжется, он тихо и мирно разведётся с ней.

Эта приманка была очень заманчивой. Гу Тинъе был печально известен тем, что бросил семью и сбежал. Если они разведутся, все в столице будут думать, что именно Гу Тинъе плохой, а ей всё сойдёт с рук. Через несколько лет её любящие родители найдут ей нового мужа. Пингуй также подчеркнул, что она должна решить эту проблему быстро, иначе будет уже поздно.

Как могла Яньхун не подчиниться этому? Она тут же приказала слугам принести ей лекарство и, боясь, что оно окажется недостаточно сильным, даже приняла двойную дозу. Пусть она

лишится ребёнка, она получит право на новую жизнь!

Всё тело Минлань похолодело, когда она услышала об этом.

— Почему Маньнян всё ещё?.. — ошеломлённо прошептала Минлань.

— Маньнян сказала, что она просто хотела заставить Яньхун страдать, — усмехнулся Гу Тинъе. — Она не ожидала, что я смогу разобраться, что к чему. Мы сильно поругались в ту ночь и я дал ей понять, что всё кончено.

После этого случая его отец был встревожен и раздражён, он был так зол, что сильно заболел и вскоре скончался. Гу Тинъе не удалось успеть к моменту его смерти.

Минлань лишилась дара речи. Они довольно долго молчали прежде, чем Гу Тинъе спросил:

— Ты думаешь, я виноват? Я не знал ничего о планах Маньнян.

— Как с таким бороться? — ошеломлённо спросила Минлань. — Лишить её жизни? — она медленно села, Гу Тинъе сел вместе с ней. — Честно говоря, если хоу убьёт её, я не посмею оставить Жун в поместье. Она должна будет отправиться жить куда-нибудь ещё. Независимо от того, как хорошо Жун понимает ситуацию, они всё ещё мать и дочь, связанные друг с другом. Я не хочу рисковать и рассчитывать на удачу.

На самом деле, смерть Яньхун — это всего лишь запугивание и мошенничество. То, что случилось с ней — лишь неудавшееся покушение. И того и другого было недостаточно, чтобы приговорить Маньнян к смертной казни.

— Смерть — слишком лёгкое наказание для неё, — добавила Минлань, смотря на свой живот.

— Тогда если она должна быть наказана, то как её наказать? — спросил он.

— Честно говоря, с её характером, даже если вы будете бить её каждый день, ругать и жестоко наказывать, она так и не начнёт сожалеть. Она не такая, как тётушка Кан. Тётушка Кан хотя бы любит своих детей, так что можно держать её в узде, зная о её слабости. Но даже безопасность её родного ребёнка не смогла удержать Маньнян. На самом деле, самое лучшее наказание для такой, как она — пожизненное заключение в месте, где она не сможет ничего сделать, — Минлань развела руки в стороны и закончила с улыбкой. — Господин отослал её, и это была хорошая идея.

Гу Тинъе был ошеломлён. Он совсем не ожидал, что Минлань всё ещё способна так спокойно анализировать ситуацию.

— И в поместье и за его пределами, чем скорее это дело разрешится, тем лучше, — сказал он.

— Это дело изначально было очень хлопотным, — согласилась Минлань. — Маньян не твоя наложница, не прислуга в доме, а подданная нашей страны. Зачем нам избивать её или убивать? Если подданный совершает проступок, не следует устраивать самосуд. Их нужно передать суду, чтобы там устроили допрос, а затем осудили. Но если передать это дело суду, пострадает наша репутация. Однако ночей много. Нужно заставить своего противника бессильно смотреть на небо, пока дни сменяют друг друга, и это будет бесконечная пытка.

Если бы это стало известно его политическим врагам, это дело непременно бы предали огласке.

Гу Тинъе долго молча разглядывал Минлань.

— Я купил для Чана сто акров земли и попросил людей присматривать за ними, — сказал он. — Я просто надеюсь, что она успокоится и сможет остановиться ради своего сына. Но… — его лицо внезапно изменилось. — Если она снова осмелится совершить какое-нибудь злодеяние, я убью её.

Минлань кивнула.

— Ах, какое досадное совпадение! — пошутила она, пародируя пожилую госпожу Цинь. — Разве важно, кто именно придумал этот трюк? — Минлань изобразила испуг. — Я не посмела бы пригласить её!

Нельзя было ругать или осуждать старших напрямую, они были скованы правилами сыновней почтительности.

Увидев, как спокойное выражение лица Минлань внезапно сменилось, и она стала похожа на испуганного кролика, Гу Тинъе улыбнулся.

— Не волнуйся, даже если бы ты согласилась жить с ней, я бы не согласился. Я уже всё устроил. Это конец.

Примечания:

Новогодние праздники прошли, однако сюрпризы этого года не закончились.

До финала у нас с Вами осталось 45 глав на китайском + 7 дополнительных историй..

На данный момент переведены 31/45 глав + 2 дополнительные истории.

График выкладки глав на ближайшее время:

11 января — 359

15 января — 360

19 января — 361

23 января — 362

27 января — 363

31 января — 364

4 февраля — 365

8 февраля — 366

12 февраля — 367

14 февраля — будут выложены все оставшиеся главы, если повезёт и перевод будет закончен. Если нет, то будет выложено всё то, что будет переведено до 14 февраля (кроме дополнительных историй, так как они дополняют финал новеллы)

http://tl.rulate.ru/book/5280/1648910